

Левитский С. Д. Предстоящие коронационные торжества, их внутренний смысл и общенародное значение // Богословский вестник 1896. Т. 2. № 5. С. 281–297 (2-я пагин.).

Предстоящія коронаціонныя торжества, ихъ внутренній смыслъ и общенародное значеніе.

Разсѣялись тучи, прошла непогода. Выглянуло красное солнышко, повѣяло теплымъ майскимъ воздухомъ... И во внутренней жизни нашей святой Руси совершается нѣчто подобное тому, что происходитъ въ окружающей насъ природѣ. Сумрачно было наше недалекое прошлое: 20-е октября 1894 года въ густой мракъ погрузило русскую народную душу. Милліоны сердець изнывали въ безысходной тоскѣ о томъ, Кто до послѣдней минуты своей жизни такъ радѣлъ о благѣ своего народа, Кто такъ высоко поднялъ знамя его въ великой семьѣ международной. Неожиданно покинулъ онъ возлюбленный народъ свой и какъ будто унесъ съ собой все его чаянія и надежды. *Колесница израилева и всадники его*, могла восклицать подобно Елисею всякая русская душа, провожая на небо мысленными очами своего удалявшагося Илію.

Но крѣпко вѣрить православное русское сердце, что каждый разъ воздвигаетъ Господь Богъ мужа во время свое, и въ этой вѣрѣ оно находитъ себѣ утѣшеніе. Тяжелый моментъ переживала православная Русь въ 1881 году. Во внѣшней политикѣ международное значеніе Россіи было ослаблено дипломатическими неудачами; а внутри—народная совѣсть была крайне смущена злодѣйскимъ преступленіемъ 1-го Марта. Но воздвигъ Господь Богъ мужа во время свое, и таковымъ явился Александръ III-й, который въ свое кратковременное четырнадцатилѣтнее царствованіе успѣлъ и возвеличить Россію предъ лицомъ всего міра, и

внутри своего обширнаго государства съ умѣлъ водворить миръ и тишину и успокоить смятенную народную совѣсть. И вотъ, какъ зрѣлый колосъ, достигшій полной мѣры своего возрастанія, беретъ Его Господь Богъ изъ среды нашей въ свои небесныя житницы. Почившій монархъ въ совершенствѣ выполнилъ назначенную Ему Провидѣнiемъ задачу. И вотъ то, что кажется какъбы преждевременнымъ съ точки зрѣнiя ограниченнаго человѣческаго взора, является своевременнымъ предъ очами вѣры, проникающей въ предѣлы безконечности и получающей оттуда возможность уразумѣвать внутреннiй смыслъ преходящихъ явленiй грѣшной земли.

И эта вѣра дастъ намъ успокоенiе не только по отношенiю къ прошлому, но и согрѣваетъ наше сердце сладкимъ упованiемъ въ отношенiи къ настоящему и свѣтлою надеждою на будущее. Мы и сейчасъ исполнены той же вѣры, что воздвигаетъ Господь Богъ мужа во время свое. Кто знаетъ,—быть можетъ, Провидѣнiе предназначаетъ нашему отечеству новыя задачи, уже, быть можетъ, созрѣвшiя для ихъ выполненiя и только незамѣчаемыя нами, по свойственной человѣческому уму близорукости,—задачи, для выполненiя которыхъ потребенъ иной мужъ, съ свѣжими силами, съ натурой, ненадломленной жизненными непогодами. Такова наша вѣра въ опредѣленное Провидѣнiемъ назначенiе нынѣшняго нашего молодаго монарха. Не думалъ, конечно, и самъ Онъ, что Ему такъ скоро придется воспринять на себя всю тяжесть царской власти, не имѣлъ этого въ мысли и никто изъ Его подданныхъ. Но какъ скоро Божественному Провидѣнiю угодно было воззвать Его на это великое и многотрудное служенiе, русскiй народъ увѣровалъ въ этотъ фактъ и сосредоточилъ на своемъ новомъ молодомъ монархѣ всѣ свои надежды и упованiя.

Подобно тому какъ удалявшiйся на небо Илiя не оставилъ своего возлюбленнаго ученика Елисея совершенно обездоленнымъ и осиротѣлымъ, но сбросилъ ему милость свою, какъ символическiй знакъ передачи ему своихъ завѣтовъ и преданiй, такъ и удалившiйся отъ насъ тоже въ горнiя селенiя Царь-Миротворецъ не оставилъ насъ совершенно сирыми, но передалъ намъ Свое неопѣненное наследство въ лицѣ возлюбленнаго Сына своего, которому,

какъ мы знаемъ и вѣруемъ, Онъ передалъ всѣ свои завѣты и Который торжественно, велегласно и всенародно общалъ свято хранить ихъ. И вотъ въ то время, когда вся Русь окутана была, повидимому, безразсвѣтною тьмою, когда 20-е октября 94 года съ его предшествующими днями страшнаго душевнаго напряженія повергло русскій народъ въ глубокую и, повидимому, безысходную печаль, въ это самое время для него загорѣлась заря новой, хотя и на прежнихъ началахъ, жизни. И опять воспрянуло русское сердце и снова забилося оно подъ дѣйствиємъ новаго источника жизненной теплоты: русскій народъ присягнулъ новому Государю-Царю.

Съ этого момента общее настроеніе народныхъ чувствъ принимаетъ все болѣе и болѣе высокій тонъ. Поводомъ къ этому послужили событія, совершившіяся въ семейной жизни молодого Монарха. 14 Ноября 94 года Онъ вступилъ въ супружество, а Ноября 3-го 95 года Богъ благословилъ этотъ союзъ Августѣйшей четы дарованіемъ Ей возлюбленной дочери. То и другое событіе послужило поводомъ къ изъявленію самыхъ радостныхъ чувствъ со стороны всѣхъ сословій и слоевъ русскаго общества. Всюду вознеслись горячія благодаренія Богу за благополучный исходъ этихъ событій, со всѣхъ сторонъ полились восторженныя чувства, растворенныя искренними благожеланіями, щедрою рукою посыпались жертвы и приношенія, предназначенныя увѣковѣчить въ памяти народной радостныя событія въ царской семьѣ. И едва ли найдется какой нибудь уголокъ обширной Россіи—какъ бы ни былъ онъ удаленъ отъ главныхъ центровъ,—который бы не принялъ участія въ этомъ потоцѣ народныхъ чувствъ.

Наконецъ начало нынѣшняго года было ознаменовано изданіемъ Высочайшаго манифеста, который еще болѣе поднималъ народныя чувства. „При помощи Божіей“, гласитъ этотъ манифестъ, „вознамѣрились мы въ маѣ мѣсяцѣ сего года въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, по примѣру Благочестивыхъ Государей, предковъ нашихъ, возложить на себя корону и воспріять по установленному чину Святое Миропомазаніе, приобщивъ къ сему и Любезнѣйшую Супругу вашу Государыню Императрицу Александру Теодоровну.—Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ въ пред-

стоящій торжественный день коронаванія раздѣлить радость Нашу и вмѣстѣ съ Нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на Насъ дары Духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ державу Нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ незабвеннаго Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогаго отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ...“

Вотъ торжественный призывъ, раздавшійся съ высоты престола, обращенный ко всему народу и послужившій источникомъ для возникновенія и развитія особаго рода духовнаго настроенія народныхъ массъ. Милліоны индивидуальных, сознаний, сердець слились между собой и образовали безбрежное море, волнующееся безконечнымъ разнообразіемъ патріотическихъ чувствъ преданныхъ престолу и отечеству благочестивыхъ Россіянъ.

Но какъ ни велико разнообразіе этихъ чувствъ, обуславливаемое неодинаковостію классовъ, состояній и общественныхъ положеній подданныхъ русскаго Царя и личными особенностями каждаго изъ нихъ, тѣмъ не менѣе нельзя не усмотрѣть нѣкоторыхъ основныхъ мотивовъ, преобладающихъ въ этомъ разнообразіи. Прежде всего нельзя не отмѣтить здѣсь отсутствіе настроенія легкомысленнаго характера, — настроенія, вызываемаго, обыкновенно, ожиданіемъ какого-либо праздничнаго веселья, тѣхъ или иныхъ публичныхъ зрѣлищъ, или разнаго рода потѣхъ. Напротивъ, всякому, кто сколько-нибудь присмотрится къ происходящему вокругъ себя въ настоящій моментъ, представится иного рода картина. Приготовляясь, въ отвѣтъ на Высочайшій призывъ, войти всѣмъ своимъ существомъ въ радость возлюбленнаго Монарха въ предстоящій день Его вѣнчанія на царство, народъ не только омывается, охорашивается и принаряжается съ виѣшной стороны; но, такъ сказать, препоясываетъ себя и съ внутренней, становясь на стражѣ своихъ чувствъ и стараясь подавить въ себѣ порывы своей низшей природы. Что-то величавое и торжественное и вмѣстѣ трепетное и радостное видится въ настроеніи народа. Очевидно, онъ готовится къ срѣтенію чего-то необычайнаго, что заставляетъ его не только радоваться, но и серьезно задуматься, не только быть готовымъ къ общему ликованію, но и по возможности улучшить и воз-

высить себя и съ внѣшней и съ внутренней стороны. Да, русскій народъ переживаетъ сейчасъ такой психологическій моментъ, когда въ его душѣ все низкопробное, суетное и легкомысленное побѣждено чувствами высшаго порядка, и радостное его настроеніе, при ожиданіи наступающихъ торжествъ, запечатлѣно торжественнымъ, величавымъ, серьезнымъ характеромъ.

Что за причина такого торжественно-серьезнаго народнаго настроенія? Почему предстоящее радостное событіе налагаетъ на чело русскаго человѣка печать серьезныхъ думъ? Главнымъ и, пожалуй, единственнымъ основаніемъ этого является тотъ глубокій внутренній смыслъ и то великое историческое значеніе, какіе въ народномъ сознаніи соединяются съ чиномъ дѣйствія священнаго вѣнчанія царей на царство. Нельзя, конечно, утверждать того, чтобы во всей своей массѣ нашъ народъ съ отчетливою ясностію и въ строгихъ логическихъ понятіяхъ, представлялъ всю историческую важность и всю глубину внутренняго смысла предстоящаго великаго акта, но можно сказать съ несомнѣнностію, что онъ понимаетъ это непосредственнымъ чувствомъ. Такому непосредственному инстинктивному пониманію содѣйствуетъ прежде всего то, что русскій народъ привыкъ видѣть торжество вѣнчанія царей на царство не въ Петербургѣ, — столицѣ новой, но въ древлепрестольной Москвѣ, которую онъ, по ея великой исторической роли въ первоначальномъ образованіи Московскаго государства, собираніи земли Русской, по ея самому живому и постоянному участию въ всѣхъ дальнѣйшихъ — счастливыхъ и несчастныхъ — судьбахъ своего отечества, назвалъ сердцемъ Россіи. Равнымъ образомъ, каждый разъ онъ видитъ, что самый чинъ вѣнчанія совершается въ великомъ и священномъ для русскаго сердца, по своей святой старинѣ, преданіямъ и историческимъ завѣтамъ, наслѣдіи св. Петра, храмѣ Успенія Пр. Богородицы, который въ сознаніи русскаго народа является драгоценнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ древности, свидѣтелемъ всѣхъ знаменательныхъ историческихъ событій въ его многовѣковой и многострадальной жизни, каждый камень котораго, можно сказать, связанъ съ тѣми или иными, самыми дорогими для русскаго духа воспоминаніями. И понимаетъ русскій народъ, въ на-

стоящій знаменательный моментъ, все великое значеніе своей матушки-Москвы, и чувствуетъ онъ, что вѣнчаться царю на царство подобаетъ не въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, но именно въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ соборѣ Успенія Пр. Богородицы. Почему, именно, образовалась въ сознаниіи и чувствѣ народномъ такая необходимая связь между актомъ священнаго вѣнчанія царей на царство и Москвою съ ея древнею святынею,—это объяснить намъ самой „чинъ“ царскаго вѣнчанія. Выясненіе и раскрытіе глубокаго внутренняго смысла этого чина дасть намъ возможность не только понять упомянутую связь, но и уразумѣть душевное настроеніе и чувства, которыми въ настоящій моментъ одушевленъ русскій народъ.

Чинъ вѣнчанія царей на царство перешелъ къ намъ изъ Византіи. Главною причиною введенія у насъ этого чина было убѣжденіе русскихъ тогдашняго времени, что Москва есть третій Римъ, что со времени паденія Византіи цѣлостность и чистота православія сохраняются только въ Москвѣ и что, слѣдовательно, ей должны принадлежать всѣ церковныя преимущества, которыми прежде владѣла Византія, и между прочимъ, право вѣнчанія царей на царство. Но для насъ важно не столько указаніе на внѣшнія историческія побужденія, по которымъ у насъ введенъ былъ актъ вѣнчанія царей на царство, сколько выясненіе внутренняго смысла, какой былъ соединенъ у насъ съ этимъ актомъ. Въ этихъ цѣляхъ мы считаемъ за наилучшее воспользоваться прекрасными словами одного автора, изслѣдованіе коего издано Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ:

„Священнодѣйствіе вѣнчаніе царей на царство“, говоритъ онъ, „воплощаетъ въ себѣ три главнѣйшихъ момента дѣйственности верховной власти, какъ единаго живаго личнаго начала, зиждущаго историческую жизнь народовъ и благоденствіе великихъ государствъ. Въ этомъ священно-торжественномъ и общенародномъ актѣ выражается во 1-хъ исторической союзъ Государя съ своимъ государствомъ, во 2-хъ завѣтъ его съ церковію, т.-е. душою и совѣстію народа, и наконецъ въ 3-хъ союзъ Царя и народа съ Царемъ царствующимъ, въ рудѣ коего судьбы царствъ и народовъ. Въ чемъ и какъ выражается союзъ Государя съ государствомъ въ чинѣ вѣнчанія Царей на царство?

„1) Государь возсѣдаетъ на тронѣ или престолѣ своихъ предковъ. Этимъ онъ свидѣтельствуесть предъ лицомъ своего народа не только историческую законность своихъ правъ на этотъ престолъ, но и то, что, съ возшествіемъ на него, онъ останется вѣрнымъ историческимъ преданіямъ своихъ предковъ, явится носителемъ и выразителемъ историческихъ задачъ, и ведя государство по пути улучшеній и преобразованій, двигая впередъ жизнь народа, будетъ твердо стоять на основѣ національной жизни и исторіи. Жизнь историческихъ народовъ всегда столько же охранительна въ своемъ движеніи, сколько и поступательна впередъ; народный ростъ совершается такъ же, какъ и ростъ отдѣльнаго человѣка. Всякое обновленіе въ государственной исторіи должно исходить отъ того, что вызывается дѣйствующими уже силами народа, его лучшими стремленіями и предрасположеніями, что уже испытано историческимъ опытомъ и является жизненной правдой. Вступая, говоримъ, на тронъ своихъ предковъ, Русскій Царь симъ свидѣтельствуесть, что онъ прежде всего останется вѣрнымъ преданіямъ русскаго государства и началамъ, выработаннымъ его исторіей.

„2) Далѣе Государь облачается въ порфиру и вѣнецъ: это знаки Царской чести и славы. Таковыми они были у древнихъ народовъ, но возлагаемые предъ алтаремъ, въ христіанскомъ храмѣ, это въ тоже время символы багряницы Христа и Его терноваго вѣнца. Русскій Царь является предъ своимъ народомъ во всей тяжести и бремени Царскаго служенія. Симъ онъ свидѣтельствуесть, что онъ, подобно древнимъ Самодержцамъ Кіевскимъ, возложилъ на себя тяжелую шапку Мономаха и въ своемъ страсготерпномъ служеніи готовъ подыять всѣ страды и подвиги для блага, чести и славы своего народа.

„3) Онъ принимаетъ въ руки державу и тѣмъ свидѣтельствуесть предъ своимъ народомъ, что онъ будетъ беречь и блюсти цѣлость земли святорусской, юже стяжали отцы и дѣды трудомъ и потомъ великимъ, которая куплена кровію вѣрныхъ сыновъ ея, плечемъ и хребтомъ ихъ взорана, тугою удобрена и слезами омыта.

„4) Онъ препоясуетъся мечемъ и держитъ въ рукахъ скипетръ, свидѣтельствуя симъ, что онъ всегда готовъ на брань съ врагами виѣшними и внутренними и будетъ карать зло

во всѣхъ его проявленіяхъ, разрушающее миръ и благо его подданныхъ. Чѣмъ болѣе зло будетъ подымать свою голову, тѣмъ жесточе будетъ скипетръ—жезлъ правленія и казни, да не возмнитъ о себѣ зло, что оно крѣпче и сильнѣе Царской силы и власти.

„5) Воздвигается при этомъ государственное знамя съ гербами царствъ и княженій, вошедшихъ въ составъ единого Государства Русскаго. Племена и народы, населяющіе Русь, соединяются подъ этимъ знаменемъ для привѣта Бѣлаго Царя Великой земли Русской. Привѣтствія, приносимыя ему въ эту минуту—не обычныя только поздравленія. Въ комъ бьется и говоритъ русская душа, тотъ чувствуетъ себя въ эти минуты за едино съ ликующей землей и чело и душа его озаряются историческимъ лучемъ и сердце бьется радостію всенародною. Это моменты живаго самосознанія русской націи въ лицѣ своего Царя, это моменты самоощущенія въ немъ своего многомилліоннаго единства, это моменты олицетворенія въ немъ русской исторіи, государственнаго разума, патріотизма и всего нравственно великаго и высокаго въ жизни историческихъ народовъ.

„Въ чемъ выражается завѣтъ Государя съ Церковію“?

„Во первыхъ, Государь предъ олтаремъ и народомъ торжественно провозглашаетъ исповѣданіе православной вѣры. Въ этомъ актѣ Царь является не просто какъ властитель судебъ своего народа, но и какъ представитель его совѣсти и вѣры, какъ носитель его нравственнаго міра, блюститель правъ церкви, какъ проводникъ въ своемъ Царствѣ тѣхъ Евангельскихъ началъ, на коихъ зиждется Царство Божіе. Русскому народу особенно понятно и дорого значеніе его вѣры. Ею совершилъ онъ крестоносный подвигъ благоустроенія земли своей съ ея непроходимыми мхами и болотами. Ею отстоялъ онъ свою отчизну отъ безчисленныхъ поганыхъ враговъ—змѣевъ горыничей, наскакивавшихъ на землю русскую. Ею выносилъ онъ безконечныя страды отъ огня и меча, отъ холода и голода, отъ дальнихъ и ближнихъ, отъ своихъ и чужихъ. Многомилліонныя кресты на распутяхъ, часовни въ деревняхъ, храмы въ селахъ, созданные его кровавымъ трудомъ и потомъ, суть неотразимыя знаменія силы его спасавшей и спасающей вѣры. Вотъ почему идея Царя на Руси столь же

крѣпка и несокрушима, сколь крѣпка и могуча народная вѣра. Въ Царѣ олицетворяетъ онъ свои святыя думы и свои святыя чувства; въ немъ онъ видитъ и свою вѣру и свою совѣсть. И не иначе цѣлуетъ за него крестъ, какъ за Царя Русскаго православнаго, и не иначе жертвуетъ своей головой и жизнію, какъ за Царя благовѣрнаго и правовѣрнаго.

„Во вторыхъ, Церковь съ своей стороны, предъ лицомъ всего міра, запечатлѣваетъ священнымъ характеромъ его царственное служеніе, и въ силу вѣры укрѣпляетъ душу Царя сугубыми благодатными дарами. Помазуя чело его святымъ мѣромъ, она крѣпитъ его разумъ; помазуя перси— она освящаетъ его сердце. Царское око, царскій слухъ, царское дѣланіе, требуютъ необычайной помощи, и эту помощь Царь найдетъ въ своемъ духѣ по вѣрѣ въ благодатныя дарованія, сообщенныя ему чрезъ видимое помазаніе его дѣятельныхъ чувствъ.

„Въ третьихъ, Церковь вводитъ Царя какъ иноманника Божія во святилище и открываетъ предъ нимъ святую трапезу съ безкровной жертвой. Верховная власть, столь возвеличенная Церковію, является предъ лицомъ народа властію „священною.“.....

„Но едвали не самый торжественный и знаменательный актъ въ чинѣ вѣнчанія Русскихъ Царей на царство представляютъ тѣ моменты, когда Царь молится о своемъ народѣ, а народъ молится о своемъ Царѣ, въ коихъ Русь является какъ царство, вѣрующее въ Бога-Царя царей и народовъ.

„Въ этомъ актѣ сказывается вся крѣпость и все величіе Русскаго царства. Эта вѣра — залогъ его историческаго призванія. Равновѣситель и миротворитель жизни, она носитъ въ себѣ въ одно и тоже время и идеалы нравственныхъ стремленій человѣчества и тотъ внутренній огонь, который возбуждаетъ его въ порывахъ и движеніяхъ къ этимъ безконечнымъ стремленіямъ. Здѣсь въ нѣдрахъ религіозныхъ, захватывающихъ всего внутренняго человѣка, тайникъ вдохновенія, самоотверженія и всѣхъ нравственныхъ доблестей, источникъ успѣховъ разума и начало всякаго творчества всего великаго и высокаго“.

„Таковъ внутренній смыслъ и таково значеніе церковнаго вѣнчанія Царей на царство“. (Е. Барсова, Древніе

русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство. Стр. 1—V).

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что въ актѣ вѣнчанія царей на царство прежде всего, конечно, мы видимъ освященіе церковію прерогативъ царской власти, которая Государю принадлежитъ уже по праву престолонаслѣдія, а потомъ—освященіе церковію акта вступленія Государя въ тѣснѣйшій союзъ съ подвластнымъ Ему народомъ,—настолько тѣснѣйшій, что его можно сравнить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ союзомъ жениха и невѣсты, освящаемымъ церковію въ таинствѣ брака.

Что актъ вѣнчанія Царей на царство въ извѣстныхъ отношеніяхъ имѣетъ, по русскимъ понятіямъ, значеніе брачнаго союза Государя съ своимъ народомъ,—на это указываютъ нѣкоторые обряды, имѣвшіе мѣсто въ прежнихъ коронаціяхъ. 1. Неоднократное осыпаніе коронованнаго золотыми и серебряными монетами (также, какъ хмѣлемъ новобрачныхъ) послѣ обряда церковнаго вѣнчанія на царство, что, очевидно, имѣетъ смыслъ пожеланія Ему и Его царству богатства и благоденствія. 2. Обереганіе царскаго пути, чтобы никто его не перешелъ и не оставилъ дурнаго слѣда, очевидно, также стоитъ въ связи съ обычаемъ обереганія пути новобрачныхъ въ свадебныхъ обрядахъ. 3. Опоясаніе шитымъ полотенцемъ, которое играло важную роль при свадьбахъ, долго было въ употребленіи и въ чинахъ царскаго вѣнчанія на царство. 4. Наконецъ хожденіе ко гробамъ своихъ предковъ воспроизводитъ свадебный обычай ходить за благословеніемъ на новую жизнь къ могиламъ своихъ родителей. (Барсовъ, Древне-русскіе памятники).

Приводимому нами взгляду на чинъ вѣнчанія царей на царство нисколько не противорѣчитъ, по нашему мнѣнію, установившееся воззрѣніе на отношеніе Государя къ своему народу,—воззрѣніе, по которому Государь является отцомъ своихъ подданныхъ. По христіанскимъ понятіямъ о бракѣ, мужъ является главою своей жены; но какъ понимать это главенство мужа? Конечно, не въ формѣ языческихъ представленій, по которымъ мужъ имѣлъ право надъ жизнію и смертію своей жены, но въ смыслѣ гуманныхъ христіанскихъ понятій, по которымъ глава семейства любвеобильно, *отечески* долженъ относиться, какъ къ прочимъ членамъ,

семьи, такъ и къ своей женѣ: *Мужіе, любите свои жены, якоже и Христосъ возлюбилъ церковь* (Еф. V, 25). Но не находясь въ противорѣчіи съ установившимся воззрѣніемъ, придаваемый нами смыслъ чину вѣнчанія царей на царство, по нашему мнѣнію, выражаетъ болѣе тѣсный, крѣпкій нравственный союзъ царя съ народомъ и самой *идея самодержавія* сообщаетъ болѣе глубокій характеръ и основанія. Дѣти, какъ бы ни были почтительны и привязаны къ своему отцу, не остаются съ нимъ навсегда; жена же остается преданною своему супругу и связанною съ нимъ до гроба: *еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ*.

Государь вѣнчается съ своимъ народомъ, сливается съ нимъ во едино, сочетается съ тѣмъ, что составляетъ самое существо народа, — съ его вѣрованіями, идеалами, понятіями, преданіями и т. д.

Теперь мы можемъ уразумѣть и особенную настроенность русскаго народа, и то, почему онъ въ своемъ сознаніи привыкъ актъ вѣнчанія царей на царство соединять съ злато-главымъ Кремлемъ.

Вступая въ союзъ съ своимъ Государемъ, который предъ лицомъ Церкви и всенародно заявляетъ себя хранителемъ его вѣры и носителемъ его идеаловъ, русскій народъ въ настоящій моментъ какъ бы снова переживаетъ всѣ тѣ душевныя состоянія, которыя пришлось на его долю выдержать всей его тысячелѣтней исторіи, съ ея завѣтами и преданіями, оставленными ему его предками. И вотъ почему, съ одной стороны, онъ является торжественно-религіозно настроеннымъ, какъ невѣста, стоящая предъ алтаремъ, и съ другой — проникнутымъ въ своемъ сознаніи тѣмъ убѣжденіемъ, что бракосочетаться съ своимъ Государемъ ему приличнѣе всего тамъ, гдѣ для него всего болѣе сосредоточено воспоминаній, касающихся прошлыхъ судебъ его исторической жизни. А таковымъ, именно, и является Успенскій соборъ въ Москвѣ.

Наканунѣ вѣнчанія съ Царемъ своимъ, какъ бы стоя предъ брачнымъ алтаремъ, русскій народъ прежде всего свой долгъ приводитъ себѣ на память. Какъ добрая жена, онъ долженъ нѣжно заботиться и охранять своего Главу, всѣми силами помогать Ему въ Его великихъ трудахъ. Это — не только естественный результатъ любви и преданности, но

является вмѣстѣ и необходимымъ условіемъ, чтобы обезпечить свободу и безпрепятственность необъятной, по своимъ размѣрамъ, дѣятельности царственного мужа.

Вотъ почему настроеніе народа—не только торжественное и серьезное, вызываемое сознаниемъ важности и величія наступающаго событія, но отчасти и тревожное, трепетное. Народъ и въ этомъ случаѣ находится какъ бы въ состояніи невѣсты, готовящейся чрезъ нѣсколько моментовъ стать законной супругой избранника своего сердца. Его обуреваютъ различныя думы, вызываемыя неизвѣстностію будущаго,—думы о томъ,—какъ-то сложатся его взаимныя отношенія съ возлюбленнымъ Государемъ; дозволить ли внѣшнія обстоятельства проявить къ Нему всю силу его любви и преданности; удастся ли ему во всей полнотѣ исполнить свои священныя обязанности. Такія думы и тревоги совершенно естественны со стороны народа,—какъ невѣста, готовящагося вступить въ церковный союзъ съ своимъ Государемъ.

Намъ, быть можетъ, скажутъ, что мы слишкомъ преувеличиваемъ и идеализируемъ народныя чувства при ожиданіи священнаго торжества, что никакой тревоги и никакого особеннаго трепета народъ не чувствуетъ. Не думаемъ. Прислушаемся хотя не много къ голосу народа, выразившемуся, напр. въ пословицахъ, которыя вообще принято считать мудростію народа, выраженіемъ самаго существа его духа,—что говорятъ онѣ? Съ одной стороны мы слышимъ: *Народъ думаетъ, а царь въдаетъ.—Гдѣ царь, тутъ и правда.—Всякая вещь предъ царемъ не утаится.*—А съ другой: *До царя дойти, голову нести.—До Бога высоко, до царя далеко.—Какъ весь народъ вздохнетъ, до царя дойдетъ.* (Даль). Присоединимъ къ послѣднему ряду пословицъ еще нѣкоторыя реченія народной и литературной поэзіи: *Иль горячая молитва долетѣла до царя?* (Нар. пѣсня). *Да (кабы) батюшка, царь нашъ, всю правду бы въдалъ!* (А. Толстой.) Можно бы было набрать подобныхъ пословицъ и изреченій и болѣе, но ограничимся и приведенными. Что показываютъ, о чемъ говорятъ они? Думаемъ—о томъ, что, хотя народъ и твердо вѣруетъ, что о немъ все извѣстно царю, такъ что даже и то, что онъ только думаетъ, царь уже въдаетъ, что никакая вещь не утаится

отъ царя, но тѣмъ не менѣе—съ какимъ трудомъ дается это вѣдѣніе?! До него и дойти далеко, а дойдешь, такъ нужно голову нести. И только когда *весь* народъ вздохнетъ своимъ великимъ, могучимъ вздохомъ, только тогда несомнѣнно это дойдетъ до царя. Бываютъ, значитъ, минуты въ жизни народа тяжелыя, тревожныя, когда онъ какъ будто даже теряетъ вѣру въ возможность довести до свѣдѣнія царя о своихъ нуждахъ и желаніяхъ, о своихъ надеждахъ и упованіяхъ. Вотъ почему и въ радостныя дни торжествъ есть у него мѣсто думамъ серьезнымъ.

Величаво, торжественно и серьезно настроеніе русскаго народа, но преобладаетъ въ немъ все же чувство ликующей радости. Ожидаемое имъ торжественное событіе есть выраженіе преемственнаго историческаго союза его съ своимъ государемъ, какъ залога прочности его историческаго бытія. Народъ вступаетъ въ союзъ съ тѣмъ, кого онъ искони любилъ, кому онъ всегда былъ преданъ, кого онъ поэтому всегда готовъ былъ защищать своею кровію. Это служитъ для него источникомъ сладостныхъ ощущеній и счастливаго, радостнаго настроенія, которое покрываетъ собою всѣ прочіе моменты его настоящаго, сложнаго душевнаго состоянія.

Разсудительная невѣста обыкновенно не дастъ воли своимъ чувствамъ. Она строго анализируетъ ихъ, изслѣдуя, —имѣютъ ли они достаточно прочное основаніе въ ней самой, а вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно присматривается и къ своему избраннику, не только къ его личности, но и ко всему его родству, помня законъ наследственности. Въ этомъ случаѣ она имѣетъ для себя полное оправданіе, такъ какъ невѣстѣ весьма важно знать, какіе недостатки или добродѣтели предковъ могутъ проявиться въ ея будущемъ мужѣ.

Прилагая сказанное къ нашему невѣстѣ-народу, мы съ отраднымъ чувствомъ должны отмѣтить, что онъ въ означенномъ отношеніи находится въ особенно благопріятныхъ условіяхъ. Не какъ невѣста прежнихъ временъ выходитъ онъ въ замужество, не вѣдая дотолѣ ничего о своемъ женихѣ, котораго поэтому она была лишена возможности и удовольствія назвать своимъ возлюбленнымъ. Нѣтъ, русскій народъ знаетъ хорошо не только своего суженаго, но вся генеологическая вѣтвь его рисуется предъ его умственными очами съ отчетливостію и полнотою красокъ. Намъ нѣтъ нужды

очерчивать эту вѣтвь во всѣхъ ея подробностяхъ, — для нашей цѣли достаточно ограничиться лишь нѣсколькими выдающимися ея частями, такъ какъ и это въ достаточной степени обрисуетъ, какихъ выдающихся, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, предковъ имѣетъ нашъ молодой Государь, и съ какою поэтому радостною надеждою и унованіемъ вступаетъ съ нимъ въ союзъ его вѣрный народъ.

Въ домѣ Романовыхъ мы находимъ цѣлый рядъ личностей, украсившихъ собою страницы нашей исторіи и всю жизнь свою посвятившихъ на благо русскаго народа. Кто не припомнитъ прежде всего гигантскій образъ Петра Великаго?! Его всепроникающій и всеобъемлющій геній не оставилъ ни одной области народной жизни: во все онъ вложилъ свой духъ, на все наложилъ печать своей личности. Его жизнь была неустаннымъ, непрерывнымъ трудомъ на благо народа, и вмѣстѣ непрерывною борьбою съ косностью, невѣжествомъ и предразсудками своихъ современниковъ, которыхъ онъ пламенно желалъ ввести въ семью европейскихъ народовъ и сдѣлать ея равноправными членами. Благодаря желѣзной волѣ и несокрушимой энергіи, ему удалось вывести русскихъ изъ ихъ исключительности и замкнутости и дать имъ возможность и средства стать на путь прогресса. Потомство справедливо усвоило ему названіе „Преобразователя“ Россіи, и мы доселѣ пользуемся плодами трудовъ его.

По слѣдамъ его шла и великая преемница его завѣтовъ, Екатерина II, царствованіе которой исторія отмѣчаетъ особеннымъ образомъ, называя его *вѣкомъ Екатерины*. Съ славою ея побѣдъ надъ внѣшними врагами соединяется слава ея дѣлъ по внутреннему управленію. Сама гуманная и высокообразованная, она много потрудилась надъ гражданскимъ благоустройствомъ и смягченіемъ нравовъ своего народа. Судъ и правда, народное воспитаніе, народное здравіе были самымъ живымъ предметомъ ея заботъ. Съ ея именемъ связаны такіе великіе труды, такія благодѣтельные учрежденія, что какъ-бы ни отказывалась она отъ титуловъ Великой, Премудрой и Матери отечества, они останутся навсегда вѣковѣчнымъ памятникомъ ея подвиговъ на благо Россіи.

Александрѣ I-му выпала трудная и славная задача — освободить свое отечество отъ нашествія двадцати языкъ

во главѣ съ непобѣдимымъ дотолѣ завоевателемъ Наполеономъ I-мъ. Смиренно преклоняясь предъ грозною, карающею десницею Божественнаго Промысла Александръ I-й въ годину тяжкаго всенароднаго бѣдствія съ несокрушимою твердостью принялъ и понесъ предназначенный ему крестъ, и тѣмъ избавилъ не только свой народъ отъ страшнаго врага, но и всей Европѣ даровалъ миръ и свободу, или, по выраженію поэта, „повалилъ въ бездну тяготѣющей надъ царствами кумиръ“. Такой подвигъ далъ Александру имя „Благословеннаго“.

Царствованіе Александра II-го справедливо считается новой эрой въ жизни русскаго народа. То было время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, эпоха реформъ и преобразованій. Закрѣпощенный прежде народъ приобрѣлъ права личности. Вмѣстѣ съ свободою получивъ гласный судъ съ присяжными и права самоуправленія, онъ вступилъ на путь обновленной жизни, который измѣнилъ къ лучшему всѣ условія его прежняго существованія. Блага, дарованныя Александромъ II-мъ русскому народу, обезсмертили имя его въ русской исторіи, и личность его, по своей величавости, еще и доселѣ не получила надлежащей оцѣнки, но онъ справедливо приобрѣлъ въ исторіи названіе „Царя-Освободителя и Реформатора“. Освобожденный и облагодѣтельствованный Имъ народъ, какъ дитя, выпущенное на волю и не привыкшее управлять собою, на первый разъ, разумѣется, не могъ надлежащимъ образомъ воспользоваться благами предоставленной ему свободы, но тѣмъ не менѣе, по сознанію историковъ, русскій народъ за это царствованіе на сотни лѣтъ шагнулъ впередъ.

Наконецъ покойному Родителю нашего Государя выпала на долю трудная задача успокоить взволнованные умы внутри своего государства. „Подъемлемъ на себя тяжкое бремя, Богомъ на насъ возлагаемое“, говорилось въ манифестѣ по случаю возшествія на престолъ, „съ твердымъ упованіемъ на Его всемогущую помощь. Да благословитъ Онъ труды Наши ко благу возлюбленнаго Нашего отечества и да направитъ Онъ силы Наши къ устроенію счастья всѣхъ нашихъ вѣрноподанныхъ“. А затѣмъ позднѣе онъ точнѣе опредѣлилъ программу и направленіе своей дѣятельности въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: „Гласъ Божій

повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній“. Прекрасно и совершенно справедливо понимая, что смущеніе умовъ главнымъ образомъ происходитъ отъ чужеземнаго вліянія, покойный Государь все свое вниманіе устремилъ на національныя основы русской жизни и на нихъ старался построить систему своего внутренняго управленія. Поэтому время его царствованія было временемъ возвращенія Россіи на путь національной политики. Внутри государство покрылось множествомъ народныхъ школъ, построенныхъ на церковныхъ началахъ и отданныхъ въ вѣдѣніе духовенства. Разстроенныя финансы и, слѣдовательно, матеріальное благосостояніе государства, благодаря бережливости и осмотрительности, улучшились. Внѣшняя политика Россіи, основанная на тѣхъ же національныхъ интересахъ и глубоко проникнутая духомъ мира, дала ей въ такъ называемомъ Европейскомъ концертѣ преобладающее значеніе. При всѣхъ политическихъ тревогахъ Александръ III-й сохранялъ невозмутимое спокойствіе, которое сберегло тысячи жизней и собственныхъ его и чужихъ подданныхъ и въ то же время обезпечило миръ всей Европѣ. Онъ справедливо заслужилъ названіе Царя-Миротворца не только внутри своего отечества, но и далеко за его предѣлами. Его политика, чуждая громовъ оружія, тѣмъ не менѣе стоитъ многихъ славныхъ побѣдъ.

Таковы славныя предки нашего молодаго Государя; ихъ царственная кровь течетъ въ Его жилахъ; ихъ преданія и завѣты живутъ въ Его мысли и сознаніи; ихъ самоотверженные труды на благо народа несомнѣнно найдутъ сочувственный откликъ и въ Его сердцѣ. Благодаря царственнымъ личностямъ, украшающимъ собою нашу отечественную исторію, въ сознаніи народа сложился типъ царя любвеобильнаго, милостиваго, чуткаго къ народнымъ нуждамъ. Выраженія: *Государь*, *Батюшка*, *Надѣжа*, *Православный*, *Блгый царь* (Даль), являются въ устахъ народа обычными терминами, усвояемыми Царю.

Но не безызвѣстенъ уже нашему невѣстѣ-народу и его державный суженый. Не смотря на непродолжительность

Своего царствованія, Онъ уже успѣлъ обнаружить высокія качества Своего сердца. Первѣе всего призрѣлъ Онъ своею милостью литераторовъ, скромныхъ тружениковъ умственнаго труда, которые среди народа и общества являются сѣятелями, провозвѣстниками идей и воспитателями общественнаго сознанія. Протянулъ Онъ руку помощи и церковно-приходскимъ школамъ, идя на встрѣчу самымъ существеннымъ нуждамъ народа, который, если въ чемъ и нуждается прежде всего, такъ, именно, въ хлѣбѣ животномъ, просвѣщеніи.

Эти и другія подобныя любвеобильныя заботы Государя всѣмъ намъ подають сладкую надежду на свѣтлое будущее. Чувствуетъ и понимаетъ это сердцемъ своимъ Русскій народъ. Потому-то и свѣтелъ ликъ его, и чувство ликующей радости, при ожиданіи наступающихъ знаменательныхъ событій, является преобладающимъ надъ всѣми прочими чувствами его сложнаго душевнаго настроенія: онъ знаетъ уже, Кому ввѣряетъ свое сердце, и потому исполненъ самыхъ утѣшительныхъ упованій.

С. Левитскій.
